

Роль миграций в исторической памяти современных старообрядцев

Рецензия на: Душакова Н. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: РГГУ, 2022. — 180 с.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-323-329>

Историк и антрополог Наталья Душакова знакома специалистам-религиоведам публикациями о различных аспектах жизни современного старообрядчества¹, они соединяют кропотливую работу с историографией, архивными источниками и полевыми исследованиями в старообрядческих городских и сельских общинах. В поле ее внимания, в частности, сохранение и репродукция традиционного мировоззрения, культуры и уклада жизни под воздействием проникновения в старообрядческий социум таких набирающих силу явлений, как средства массовой коммуникации: интернет, социальные сети, мессенджеры. Но центральной темой для уче-

ного является историческая память в старообрядческих сообществах, ее трансляция и переосмысление, включение острых моментов недалекого прошлого и сегодняшнего дня в контекст сюжетов отдаленного времени, начиная с раскола русского православия в 1653 г. в результате Церковной реформы патриарха Никона (1606–1681). Монография Н. С. Душаковой «Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом» посвящена проблематике закономерностей бытования и развертывания исторической памяти старообрядцев как этноконфессиональной общности, сформированной в результате постоянных миграций.

События раскола русской церкви вызвали бегство сторонников старых обрядов в безлюдные места Великокороссии, стимулируя ее внутреннюю колонизацию и хозяйственное освоение, и далее на окраины государства, а впоследствии и за его пределы. Этот исход приобрел характер миграционных потоков, привел к оформлению древнейшей

1. Примечание: см.: Душакова Н. С. Как религия становится более заметной в публичном пространстве: старообрядческие сообщества в социальных сетях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2, С. 184–206; Душакова Н. С. Онлайн-богослужения и крещение на кинокамеру: медиатизация религиозных практик среди старообрядцев // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2022. № 6. С. 415–425 и др.

на сегодняшний день этноконфессиональной русской религиозной диаспоры старообрядцев в разных частях света. Миграциям и формированию старообрядческих анклавов и диаспор посвящено немало серьезных исследований историков: Ю. В. Аргудяевой и А. А. Хисамутдинова², Е. С. Данилко³, А. А. Пригарина⁴ и других. Но они не касаются рефлексии современных старообрядцев относительно их миграционного прошлого и конструирования на этом основании своей идентичности, когда прошлое становится активным инструментом освоения современности и проецирования будущего. Впервые такую исследовательскую задачу ставит перед собой Наталья Душак в рецензируемой монографии. Несомненно, исследование выдержано в духе школы «Анналов», на что указывает и сам автор, отмечая, что рассматривает, «как проживается история в повседневности»

(с. 10), и характер основного массива источников, введенных в научный оборот и анализируемых в работе — это наблюдения и устные источники: рассказы, свидетельства очевидцев, интервью, собранные в ходе полевых экспедиций с 2008 по 2020 гг.

География исследования связана с Северо-Западным Причерноморьем, регионом, куда староверы мигрировали и где закрепились с XVIII в. Изучение старообрядцев этого цивилизационного фронта интересно тем, что оно включает как государства, входившие в состав Российской империи, а затем СССР — Республику Молдова и непризнанное Приднестровье, так и государство, существующее в ином политико-правовом и культурном поле — Румынию. Отметим, что в повседневную жизнь, а тем более в вероисповедные установки старообрядцев, ушедших в разное время за рубеж, власти принимающих государств не вмешивались и не устраивали религиозных гонений. Как пишут Ю. В. Аргудяева и А. А. Хисамутдинов: «Условия жизнедеятельности старообрядцев в разных регионах оказали существенное влияние на развитие местного старообрядчества и сформировали региональный хозяйственно-культурный тип, своеобразный уровень развития социально-экономических, демографиче-

2. Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013.
3. Данилко Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Изд-во «Гилем», 2002.
4. Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М., 2010.

ских, этнических и культурных процессов»⁵. В этой связи старообрядцы, проживающие в разных государствах, создавали отличающиеся образы прошлого, что показывает нам на эмпирических материалах автор рецензируемой книги.

Монография состоит из трех частей: первая определяет методологию и понятийный аппарат исследования, вторая и третья главы обращены к анализу устных нарративов старообрядцев о событиях прошлого и мнемонических сообществах, которые так или иначе связаны с событиями миграций и адаптацией староверов на новых местах и причинами их перемещений. Отметим, что Н.С. Душакова успешно оперирует достижениями мировой гуманитаристики в области наук о религии, антропологии и истории, используя методы, разработанные Я. Ассманом и А. Ассман, В. Канштайнером, М. Хирш, Х. Вельцером, А. Портелли и др., а также отечественными авторами В. Лапиной, И. Савельевой, Ю. Сафроновой, Л. Репиной и др. Автор книги подчеркивает, что изучение феномена «проживаемой истории» у старообрядцев носит междисциплинарный характер: в нем задействованы катего-

рии и принципы исторической памяти — *memory studies*, исследование идентичности — *identity studies* и «религиозная память» — *religious memory*, введенная М. Хальбваксом. Тем не менее определило характер и направленность рецензируемого исследования перенесение методов антропологии религии и религиоведения в сферу исторической памяти, поскольку объектом исследования является этноконфессиональное сообщество старообрядцев указанного региона. Наталья Душакова пишет: «Отталкиваясь от идеи о непрошедшем прошлом, в этой книге я рассматриваю и то, в какую картину складываются отдельные элементы прошлого и как они переосмысляются при столкновении с настоящим, как корректируется историческая память под влиянием актуальных событий» (с. 25).

Рассматриваемый в монографии массив эмпирического материала, в первую очередь устных нарративов, собранных Н.С. Душаковой, структурирован вокруг трех общезначимых сюжетов, по отношению к которым идет постоянный процесс осмысления и переосмысления прошлого: первый — это события раскола русской церкви и начало старообрядческой истории; второй — добровольные и вынужденные миграции; третий — насильственная секуляри-

5. Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. С. 17–18.

зация и антирелигиозные кампании во второй половине XX в. Первые два сюжета касаются непосредственно миграций и их значения для существования старообрядчества.

Во всех старообрядческих версиях истории раскол церкви и участие в нем патриарха Никона играют центральную роль, и строятся они вокруг устойчивого набора реальных событий и их мифологизированных интерпретаций — «это не трансляция исторических “фактов”, это история на языке традиции» (с. 68). Раскол — это отправной момент истории старообрядчества: возникает новый миропорядок, в прошлое уходит гармония мироздания, искажается вера. Никониане, поддержавшие деятельность патриарха, «предали истинную веру», поэтому они считаются «погаными» и на взаимодействие с ними налагается ряд ограничений. В традиционной старообрядческой трактовке усиливается ожидание окончания времен, конца истории, а отсюда стремление к бегству от греховного мира, поиск спасения, усиленный правительственными карательными мерами против раскольников. Казалось бы, парадоксально, но в память о расколе вплетается новая переживаемая историческая травма — распад СССР в 90-е годы XX в., параллель с которой проводят старообрядцы постсоветско-

го пространства, говоря о значении для их восприятия событий середины XVII в. Воспоминания о переселениях играют важную роль в разговорах о прошлом со старообрядцами означенного региона, пишет Н. Душакова. Старообрядцы помнят и говорят, что их предки приехали из России; основной причиной миграций они называют гонения, а за давностью событий, связанных с переселением, «в устных воспоминаниях обычно не фигурируют четкие указания на конкретные места исхода или на точное время переселения» (с. 75). Более фактологически достоверные описания переселений старообрядцев, оснований их деревень и строительства храмов есть в трудах историков, посвященных отдельным населенным пунктам — Куниче, Покровке в Молдове (Н. В. Абакумова-Забунова, Д. И. Латышев), Сарикёй в Румынии (С. И. Феноген, А. С. Феноген). В любом случае для староверов Молдовы и Приднестровья их большой Родиной остается Россия, даже если в определенные периоды связь с ней была трагичной.

Таким трагическим моментом в истории старообрядческих сел Молдовы в послевоенный период стала ссылка зажиточных крестьян в 1949 г. в Курганскую область, реабилитированных в 1953 г. Воспоминания о депортации у непосредствен-

ных свидетелей и представителей последующих поколений выстраивались вокруг разрушения материальных вещей их жизненного мира: они лишились дома, привычной обстановки и уклада. В ссылке старообрядцы в невероятно тяжелых условиях пытались выжить большими многодетными семьями, наладить быт и по возможности соблюдать религиозные предписания. Анализируя воспоминания репрессированных о религиозной жизни, Н. Душакowa пишет, что ее основу составляли скрываемые от окружающих индивидуальные практики при сохранении стремления к переживанию коллективного религиозного опыта. В отсутствие старообрядческой церкви практиковались чтения религиозной литературы с представителями других конфессий, что можно рассматривать как вынужденное межконфессиональное взаимодействие, проявление общехристианской солидарности и сопротивление насильственной секуляризации. Способы преодоления травматичного опыта вынужденной миграции вернувшиеся из ссылки старообрядцы сегодня находят в религиозных практиках и обрядах: молитвах, покаянии, установлении обетных праздников в честь святых, мучеников, страстотерпцев и т.д.

Старообрядцы Румынии несколько иначе, согласно иссле-

дованию Натальи Душакowej, артикулируют память о начальной точке своей истории. Помня о событиях раскола середины XVII в. и патриархе Никоне — событиях, в результате которых они мигрировали в Северо-Западное Причерноморье, они считают необходимым дополнить ее фактами предыстории, связанными с разделением ранее единой христианской церкви на римско-католическую и православную в 1054 г., Флорентийской унией 1439 г. об объединении православной и католической церковью при главенстве последней. А смысловое ядро понятия «раскол» смещается у них из общероссийского исторического контекста и главных его действующих лиц — патриарха Никона, царя Алексея Михайловича и протопопа Аввакума — на «местный раскол, связанный с образованием белокриницкой иерархии и личностью митрополита Амвросия» (с. 69). Как известно, белокриницкая иерархия была основана в 1846 г., когда бывший боснийский митрополит Амвросий перешел в старообрядчество. Вопрос о каноничности белокриницкой иерархии привел к дискуссиям и разногласиям внутри беглопоповского направления старообрядчества повсеместно. Не обошел он стороной и Добруджу, тем более что через нее и с. Сарикей лежал путь Амвросия в Австро-Вен-

грию. Село раскололось на его сторонников и «сводных», или «раздорников», ныне входящих в новозыбковское согласие. Этот болезненный разрыв по поводу каноничности иерархии зафиксировала коллективная память как значимый для локальной истории «раскол», на что указывает автор.

Говоря о миграционном прошлом старообрядцев Румынии, Наталья Душак ова обращается к драматическому сюжету, еще не ушедшему из живой памяти — о программе репатриации соотечественников в год лодный 1947 г. из Румынии в Астраханскую область и Краснодарский край СССР. Старообрядцам были обещаны лучшие условия жизни на Родине, но они столкнулись со многими бытовыми, но, самое главное, культурными и духовными трудностями, когда приходилось нарушать многие предписания и запреты. К тому же они ехали в СССР, чтобы быть среди своих и считаться русскими, а за ними закреплялось именование «румыны». На новых местах не было старообрядческой церкви, священников, не было понимания значимости для них религиозной жизни и обрядности. Негативный опыт переселения вынуждал реэмигрантов вновь переселяться, искать более благоприятные условия, некоторые вернулись на прежнее

место. С оставшимися в России родственниками старообрядцы Румынии продолжают поддерживать связи, видятся. Автор отмечает типологическое сходство миграционного опыта старообрядцев Молдавии и Румынии и фиксации памяти о нем.

На наш взгляд, рецензируемая монография ценна тем, что написана на материалах устной истории об этноконфессиональном сообществе старообрядцев на примере их анклава в Северо-Западном Причерноморье, развивающегося в процессе постоянных вынужденных и добровольных миграций/реэмиграций и находящегося в поиске путей своего взаимодействия с современностью. Перед читателем предстает облик живого религиозного сообщества, имеющего богатую историю и культурную традицию, которое не только размышляет о своем прошлом, но и соизмеряет с ним настоящее и пытается выстраивать стратегию на будущее.

Ольга Шиманская

Библиография / References

- Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А.* Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013.
- Данилко Е. С.* Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Изд-во «Гилем», 2002.

- Душакова Н. С. Как религия становится более заметной в публичном пространстве: старообрядческие сообщества в социальных сетях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2, С. 184–206.
- Душакова Н. С. Онлайн-богослужения и крещение на кинокамеру: медиатизация религиозных практик среди старообрядцев // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2022. № 6. С. 415–425.
- Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М., 2010.
- Argudjaeva, Ju. V., Hisamutdinov, A. A. (2013) *Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku: russkie staroobriadtsy* [From Russia through Asia to America: Russian Old Believers]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Danilko, E. S. (2002) *Staroobriadchestvo na Iuzhnom Urale: ocherki istorii i traditsionnoi kul'tury* [Old Believers in the South Urals: Essays on History and Traditional Culture]. Izd-vo «Gilem».
- Dushakova, N. S. (2020) “Kak religiia stanovitsia bolee zametnoi v publichnom prostranstve: staroobriadcheskie soobshhestva v sotsial'nykh setiakh” [How religion becomes more visible in public space: Old Believers' communities in social networks], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38(2): 184–206.
- Dushakova, N. S. (2022) *Onlain-bogosluzheniia i kreshchenie na kinokameru: mediatizatsiia religioznykh praktik sredi staroobriadtsev* [Online-worship and baptism on camera: the mediatization of religious practices among Old Believers], *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* 6: 415–425.
- Prigarin, A. A. (2010) *Russkie staroobriadtsy na Dunae: formirovanie etnokontsional'noi obshchnosti v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v.* [Russian Old Believers on the Danube: the Formation of Ethno-confessional Community in the Late 18th — First Half of the 19th Century]. Odessa; Izmail; M.

**Рецензия на: Mattes, A. (2022) *Migration und Religion*.
Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften. — 217 s.**

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-2-329-336>

В сентябре 2021 года Комиссия по миграционным и интеграционным исследованиям Австрийской академии наук запусти-

ла проект *Migration &*, в рамках которого запланирована публикация серии монографий, раскрывающих тему миграции в контексте различных социально-политических и культурных аспектов общественного развития Австрии. Цель проекта заключается в объединении австрийских научных иссле-

Рецензия подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00374 «Религия как фактор адаптации и интеграции (им)мигрантов: на примере стран Балтийского региона». <https://rscf.ru/project/23-28-00374/>